

модели в славянском антропонимиконе, повторы сходных фамилий в разных лингвокультурах.

Славянские антропонимы орнитонимического происхождения показывают глубинные связи народов с окружающим миром, их стремление запечатлеть в именах свое отношение к вызывающим удивление, восторг и некоторый страх пернатым, определить свое место в пространстве природы. В славянских именах, образованных от наименований птиц, отражается поэтическое восприятие мира, ставшее основой для многих культурных текстов вплоть до наших дней.

Балановская Е. В., Соловьева Д. С., Балановский О. П., Чурносоев М. И., Сорокина И. Н., Евсеева И. В., Аболмасов Н. Н., Почеихова Э. А., Серегин Ю. А., Пиеничников А. С. «Фамильные портреты» пяти русских регионов // Медицинская генетика. 2005. № 1. С. 2–10.

Журавлев А. Ф. К статистике русских фамилий. I // Вопр. ономастики. 2005. № 2. С. 126–146.

Никонов В. А. География фамилий. М., 1988.

Унбегаун Б.-О. Русские фамилии. 2-е изд., испр. М., 1995.

Mates V. Jména tajemství zbavena. Praha, 1998.

Wenzel W. Studien zu sorbischen Personennamen. T. 1 : Systematische Darstellung. Bautzen, 1987.

Zawadzki J. M. 1 000 najpopularniejszych nazwisk w Polsce. Warszawa, 2002.

О. А. Теуш

Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия
olga.teush@yandex.ru

Северный ландшафт Европейской России в языковых образах

Европейский Север России — территория с разнообразными типами ландшафта. Его освоение русским населением потребовало создания наименований для неизвестных ранее реалий, в том числе номинаций образного характера.

© Теуш О. А., 2019

Среди последних самой частотной оказалась анатомическая метафора: видение пространства через образ человека или животного. Такого же рода восприятие ландшафта характерно для народов, которые населяли Европейский Север России до прихода русского населения: прибалтийских финнов, саамов, коми-зырян. В итоге в севернорусских говорах выявляется целый ряд географических терминов, имеющих в своей основе финно-угорскую анатомическую модель, в том числе калькированных слов.

Наиболее распространенной является модель ‘глаз’ > ‘окно воды в болоте’, ср. рус. *глаз, глазина, глазник, глазовина, глазок, глазун* ‘окно воды в болоте’ (Арх., Влг.) [КСГРС; СРНГ, 6, 187–188] ~ фин. *silmänne* ‘родник, ключ; окно в болоте’, *silmäke, silmäkkö* ‘омут, окно в болоте’, *silmäs* ‘ключ, родник в болоте’ при *silmä* ‘глаз’ [SKES, 4, 1026], вепс. *süumlähte, silmlähte* ‘окно в болоте’ при *süüm, silm* ‘глаз’ [СВЯ, 535–536], коми-зыр. *мусин* ‘окно на болоте, трясына; родник, ключ’ при *син* ‘глаз’ [ССКЗД, 336].

Модель калькирована с финно-угорского оригинала: в пользу этого говорит как ее исключительно севернорусская география, так и то, что рус. *глаз* получило анатомическое значение достаточно поздно [Фасмер, 1, 409–410; ЭССЯ, 6, 117], а общеслав. *око* подобную модель не реализует ни в русском (за исключением единичных фиксаций), ни в других славянских языках. О калькировании свидетельствует и то, что приведенные выше финно-угорские термины служат источником прямого заимствования: *чильма, чельма* ‘окно воды в болоте’ [КСГРС] характеризуются прибалтийско-финским вокализмом, но саамским консонантизмом (ср. саам. диал. *čalbme, čalm* ‘глаз’) [Матвеев, 1978, 54–61]; *сёмелятка, сёмлятка* ‘окно воды в болоте’ (< вепс.).

В качестве реализации той же модели в русском языке можно было бы рассматривать *зénка, зінка* ‘окно воды в болоте’, ‘топкое место на болоте’ [КСГРС], если учитывать широко распространенное *зénки* ‘глаза’. Однако возможна и иная интерпретация. М. Фасмер указывает на связь русского слова с *зять, зевать* [Фасмер, 2, 94]: в этом случае географическое значение можно рассматривать как результат параллельного развития. В то же время, учитывая распространение слова (Влг.: К-Г), следует допускать и возможность заимствования из коми-зыр. *син* ‘глаз’ с дальнейшей аттракцией к рус. *зénки*, ср. *сінки* ‘глаза’ [СРНГ, 37, 334], которое сопоставляется с тем же коми источником. Неясно,

с антропо- или зоометафорой мы имеем дело, но некоторые лексические факты (фин. *häränsilmä* ‘воронка (водоворота)’, букв. «бычий глаз» [ФРС, 142]) и данные топонимии (*Петуший Глаз*, яма в лесу; *Окуньковые Глазки*, оз. и др.) указывают скорее на зоологические истоки.

Только на Европейском Севере России локализован семантический переход ‘нос’ > ‘мыс’: рус. *нос*, *носо́к*, *носовина*, *носырь* ‘мыс, излучина реки’ (Арх., Влг.) [КСГРС; СРНГ, 21, 285, 292] ~ фин. *niemennä*, *niemennokka* ‘оконечность мыса’ [ФРС, 399] при *nenä* ‘нос’, *nokka* ‘клюв; нос’ [ФРС, 398, 403], вепс. *nök*, карел. *nökki* ‘нос, клюв’, ‘мыс’ [СВЯ, 364; Мамонтова, Муллонен, 1991, 65], карел. *niemennä* ‘оконечность мыса’ при *nenä* ‘нос’ [СКЯ, 225], коми-зыр. *ныр* ‘нос, клюв’, *нырд* ‘излучина реки’ [КРС, 471–472]. Изолированность метафорического термина *нос* в славянском ареале при широком распространении модели в финно-угорских языках позволяет согласиться с предположением Э. М. Мурзаева о том, что «появление в северных областях СССР термина *нос* в значениях ‘мыс’, ‘выступ горы’, видимо, нужно связывать с семантическим заимствованием поморами из финно-угорских языков» [Мурзаев, 1984, 396].

Семантический переход ‘пузо, брюхо’ > ‘топкое место’ представлен единичными фактами, которые локализуются только на территории Европейского Севера России: рус. *пу́зо* ‘участок пожни, где быют ключи’ [КСГРС], карел. *l’ehmänpöččö* ‘коровье брюхо’, ‘топкое место, зыбун’ (где *l’ehmä* ‘корова’, *pöččö* ‘брюхо’) [Пунжина СКЯ, 1994, 133], ср. также перм. *пузán* ‘заглохшее озеро, заросшее растительностью, трясина’ [СРНГ, 33, 113].

Данная анатомическая модель позволяет предложить этимологическую интерпретацию для лексемы *бачина* ‘топкое место’ [КСГРС]: ввиду фиксации *бачина* ‘живот человека, животного; брюхо’ [Там же] (< приб.-фин., ср. фин. *vatsa* ‘внутренности, внутренние органы, сердце’, ливв. *vat’t’s’a*, *vat’s’a*, *vatsa* ‘живот, матка, сердце; душа’, люд. *vat’s’* ‘живот, матка’, вепс. *vats* ‘то же’ [SKES, 6, 1677; SSA, 3, 419]) это слово следует рассматривать вне связи с географическим термином *бочаг*, *бачаг*, который сопоставим с саам. диал. *vuáčši* ‘длинное, узкое болото или залив’, *vuoč’čö* ‘болото, которое образуется водой текущего ручья’ [SKES, 6, 1825], *vuoččö* ‘болото, которое образуется при понижении уровня воды в ручье’ [KKLS, 1, 1072], *vuäts* ‘узкая полоса болота’ [Там же, 774], т. е. рассматривать как метафору.

Специфически севернорусской является модель ‘кишка’ > ‘канава, излучина реки’, ср. рус. *кишкá* ‘извилина, излучина реки’, ‘глубокая длинная канава’ [СРНГ, 13, 250]. Возможность существования той же модели в финно-угорских языках подтверждает рус. *сью́ля* ‘ручей’ (Арх.) [КСГРС] < коми-зыр. *сюв* (основа *сювй-*) ‘кишка’, в эловых диалектах *сюл* ~ удм. *сюл* при общеперм. **s’ul* ‘кишка’ [КЭСНЯ, 273].

В докладе, кроме анатомических моделей, будут рассмотрены также образные номинации «растительного» характера.

КРС — Коми-русский словарь / ред. В. И. Лыткин. М., 1961.

КСГРС — картотека Словаря говоров Русского Севера (хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).

КЭСНЯ — Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар, 1999.

Мамонтова Н. Н., Муллонен И. И. Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии. Петрозаводск, 1991.

Матвеев А. К. Русск. диал. *чильма* // Этимология русских диалектных слов / отв. ред. А. К. Матвеев. Свердловск, 1978. С. 54–61.

Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. М., 1984.

Пунжина СКЯ — Пунжина А. В. Словарь карельского языка (тверские говоры). Петрозаводск, 1994.

СВЯ — Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепского языка. Л., 1972.

СКЯ — Словарь карельского языка (ливвиковский диалект) / сост. Г. Н. Макаров. Петрозаводск, 1990.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–22); Ф. П. Сороколетов (вып. 23–42); С. А. Мызников (вып. 43–). М.; Л.; СПб., 1965–. Вып. 1–.

ССКЗД — Жилина Т. И., Сахарова М. А., Сорвачева В. А. Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / под ред. и с доп. О. Н. Трубачева. М., 1964–1973.

ФРС — Финско-русский словарь. Таллинн, 1998.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева (вып. 1–32); А. Ф. Журавлева (вып. 33–39); Ж. Ж. Варбот (вып. 40–). М., 1974–. Вып. 1–.

KKLS — *Itkonen T. I. Koltan- ja Kuolanlapin sanakirja*. O. 1–2. Helsinki, 1958. (Lexica societatis Fenno-ugricae; XV).

SKES — *Suomen kielen etymologinen sanakirja*. O. 1–7 / toim. E. Itkonen, A. J. Joki, R. Peltola. Helsinki, 1955–1981.

SSA — *Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja*. O. 1–3 / toim. E. Itkonen, U.-M. Kulonen. Helsinki, 1992–2000.